

Объять необъятное

А.Е. Штанько

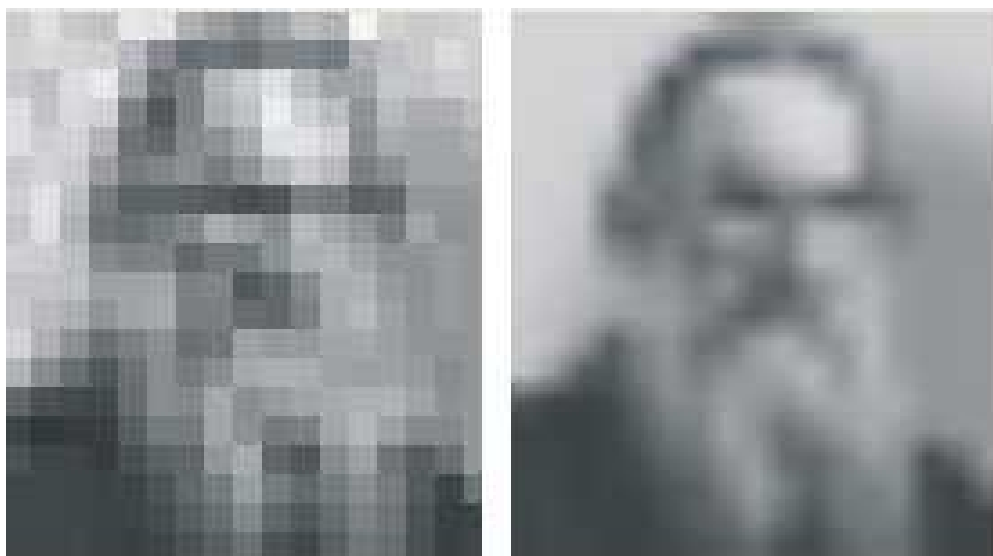
(Получена 26 ноября 2006; опубликована 15 января 2007)

Хорошо ли иметь острое зрение?

Казалось бы бессмысленный вопрос. Чем острее зрение, тем полнее, насыщеннее картина. А как насчет остроты ума и практической смекалки? Видимо, и тут все очевидно. Можно лишь посетовать, что в жизни нам не всегда достает этих весьма положительных качеств. Тем не менее, у меня возникает желание внести некоторое уточнение в такой, казалось бы, очевидный вопрос.

Непосредственным поводом для размышления послужила, как ни странно, реклама, появившаяся в метро и на придорожных щитах. Она напоминала по своему виду стену ванной комнаты, уложенную крупными разноцветными кафельными плитками. Образующий ими рисунок казался почти хаотичным, не несущим какого-либо отчетливого образа. Однако образ совершенно явственно проступал, как только я снимал очки (мое зрение весьма далеко от единичного). Понятно, что расфокусировка изображения, которую я достигал, снимая очки, никоим образом не добавляла новую информацию в картину. Наоборот, количество информации убывало, за счет смазывания мелких деталей. И, тем не менее, я начинал различать черты лица и выразительные детали позы. Возникновение их почти из ничего выглядело как чудо. Я попробовал смоделировать этот эффект на компьютере, и опыт вполне удался.

Посмотрите на пару изображений, помещенных ниже. Слева вы видите что-то невнятное, сложенное из квадратиков. Справа – результат компьютерной расфокусировки левой картины. При этом ни одного бита новой информации, которая могла бы прояснить детали, не добавлено. Наоборот, количество информации в результате расфокусировки было сокращено почти вдвое (об этом свидетельствуют объемы файлов, содержащих эти картинки).

В чем тут дело? Вполне разумно предположить, что "размазывание" и взаимное проникновение соседних элементов изображения с помощью расфокусировки приводит к восстановлению потерянных связей между элементами. Эти связи в исходной картине были нарушены резко очерченными границами квадратов. В итоге получилось, что восприятие в значительной степени было нагружено фиксацией границ и квадратов как таковых, что уводило внимание от восприятия связей между элементами. Четко очерченные детали картины активизируют аналитические функции восприятия (способности различения). При этом интегрирующие и ассоциативные качества восприятия, необходимые для формирования целостного образа, оказываются не востребуемыми.

Я полагаю, что с подобными явлениями каждый сталкивался, разглядывая с близкого расстояния мозаику или картины художников пуантилистов, то есть использованный рекламщиками эффект не нов и известен давно. Однако, он интересен тем, что может послужить наглядной иллюстрацией процесса, происходящего в иной сфере. Я имею в виду процесс постижения и обретения смысла.

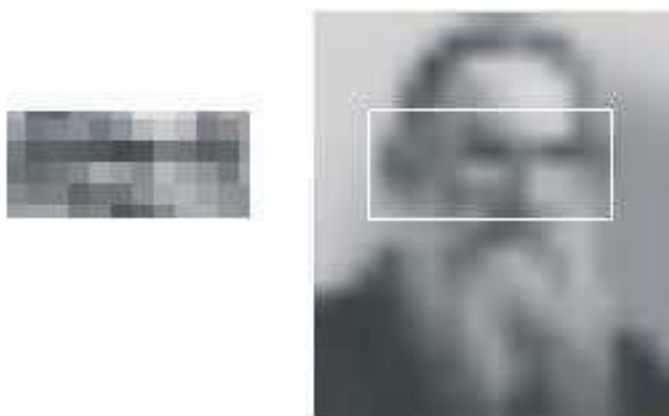
Смысл – вещь, которую не только трудно различить, но трудно даже просто обозначить. Согласно энциклопедии смысл представляет собой *целостное содержание, несводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения*. То есть каждая часть целого, каждый элемент обретает свое значение только в контексте некоего целого. Это очень легко проиллюстрировать на примере законченного фрагмента текста, например, предложения. Все отдельные слова, составляющие предложение, сами по себе многозначны. Но в составе предложения каждое из них обретает вполне определенное конкретное значение. Общий смысл предложения предопределяет каждому слову не только его значение, но и эмоциональные оттенки.

С нашей жизнью происходит нечто аналогичное. Ее наполняет множество разнородных элементов: желания, устремления, помыслы, поступки, события. Есть ли нечто, объединяющее эту пеструю мозаику? Мы, как правило, не настроены на обобщения такого рода. Нас, в первую очередь, интересуют сами элементы. Видение нашего сознания настроено, если можно так выразиться, на короткое расстояние. Оно позволяет в лучшем случае охватить два соседних элемента, сцепленных причинно-следственными связями. Более крупные узоры, способные отобразить глубинный порядок мироздания, оказываются за рамками нашего восприятия. Но они есть и именно они сообщают каждому событию вполне определенный смысл, вполне конкретное звучание.

Узость нашего горизонта обусловлена характером нашего взаимодействия с окружающим миром. Согласно К.Г. Юнгу, взрослый человек, реализуя себя в социальной сфере, действует в рамках "психологического инстинкта". Это определенный набор личных установок, идеалов и принципов поведения, ориентированных на полезность, умелость, достижение, экспансию и успех. Действуя в рамках психологического инстинкта, человек, в определенной степени, оказывается подобным компьютеру, снабженному пакетом программ. В первой половине XX века в психологии интенсивно разрабатывалось бихевиористское направление, в рамках которого человек рассматривался не как личность, а как субъект, характеризующийся определенным поведением (что-то наподобие черного ящика). Любые события, происходящие с человеком, рассматривались как некий стимул, поступающий на вход. Стимул вызывал ответную реакцию на выходе. Как ни оскорбительно выглядит для "образа и подобия Божьего" такая модель, она во многом соответствует реальности. Надо признать, что значительный объем нашего взаимодействия с окружающим миром происходит на автомате, без привлечения механизма осознанного выбора. Каждый может вспомнить себя в ситуации, выражаемой словами: не я иду, а меня несет. При этом наш горизонт оказывается предельно узким. Он

ограничен, по сути, двумя элементами: стимул – реакция. Вот так мы и воспринимаем мозаику нашего бытия – по одному или по паре элементов. Целостный образ, сообщающий каждому элементу смысл, оказывается недоступным.

Мозаичные картины, упомянутые выше, позволяют проиллюстрировать это весьма эффектно. Возьмем, к примеру, сравнительно небольшой фрагмент исходной мозаики (см. рисунок ниже, слева). Этот же фрагмент справа на расфокусированном изображении всего кадра выделен прямоугольником. Можно ли догадаться, что мозаика слева изображает часть человеческого лица? Проблематично! А в прямоугольнике справа мы различаем глаза. Более того, кто помнит еще портреты классиков из школьного учебника литературы, легко сможет узнать, чьи глаза глядят на нас с данного портрета. Так целостный образ сообщает нескольким ничем не примечательным квадратикам определенный глубокий смысл.

В нашей жизни – то же самое. Все, что происходит с нами, что нас окружает – наполнено значением и смыслом. Но привычное движение в узкой колее автоматизма лишает широты обзора, необходимой для его постижения. При этом мы не отказываем себе вовсе в желании увидеть смысл, но мы пытаемся выделить его не из подлинного контекста, а лишь из одного двух социально или биологически значимых элементов. Представьте себе, что в приведенном выше фрагменте мозаики, подчиняясь прагматичному настрою, мы пытаемся различить не глаза, а, например, пуговицы, кнопки, монеты и т.п. Каким насилием над подлинной реальностью, над Замыслом является такой ограниченный взгляд. И это насилие не только умозрительное. Так или иначе, мы склонны действовать, исходя из нашего прагматичного "видения", и использовать вещи не по их назначению. В результате, глаза можно действительно рассматривать как предмет украшения, с дизайнерским рвением подгоняя их облик под социально значимые (востребованные) образцы. При этом мы используем их на уровне изысканных пуговиц, украшающих модную одежду.

Желание взглянуть на вещи шире должно вырваться в человеке. Это происходит не сразу. Исходно наши помыслы сосредоточены на самореализации. Мы пробуем проявить и утвердить себя в социальной сфере. В ходе этого мы и создаем квадратики упомянутой мозаики. Нужно время, чтобы наработать их в каком-то количестве. Это время проб и ошибок, достижений и разочарований. Только после такой "наработки", собственно, начинает проявляться рисунок. Но он не выявляется сам. Чтобы увидеть его, необходимо осознанное усилие. Оно может родиться из ощущения узости, тупиковости рамок "психологического инстинкта". Согласно Юнгу, лучшее время для подобных изысканий – середина жизни. Желание осмотреться и подвести первые итоги обращает наше внимание к смыслу всего происшедшего. Поиски смысла требуют обобщений и нащупывания неких отправных точек, изначальных позиций. Именно здесь происходит "перефокусировка"

нашего взора с ближнего плана с его пестрыми квадратиками повторяющихся жизненных ситуаций, на более крупный план цельных исходных образов. И именно такая перефокусировка позволяет открыть для себя свои подлинные и неосознаваемые установки, свои действительные руководящие принципы, питающие своей энергией механизмы психологического инстинкта.

Если это удалось, если мы увидели свою реальную, а не кажущуюся (эфемерную) мотивацию действий и поступков, перед нами впервые открывается поистине уникальная возможность. То, что было для нас данностью, то, что было безусловной реальностью, то, что казалось роком, превращается в предмет свободного выбора. Теперь мы вправе дать свободную этическую оценку нашим исходным мотивам и установкам. Вынесенные на свет сознания они теряют свою мощь, ибо вся их сила заключалась в анонимности, в том, что они управляли нами исподтишка. Теперь, разжалованные до уровня простых предметов выбора, они ждут нашего вердикта.

И вот здесь, в процессе этого жизненно важного выбора мы обнаруживаем, что вышли на проблемы, сопоставимые по своему масштабу с целой жизнью или даже превосходящие ее. Мы выбираем то, что достойно быть содержанием жизни! Где же лежит отправная точка этого выбора? В самой жизни? Здесь уместно вспомнить историю, как барон Мюнхаузен выбрался вместе с конем из болота, потянув себя вверх за косичку.

Русский философ И.А.Ильин заметил, что достойно жизни лишь то, что можно поставить рядом со смертью. Вынося вердикт своим главным мотивам и жизненным принципам, мы, фактически, должны опираться на более обширную этическую систему, значение которой выходит за рамки жизни и является отображением глобальных законов мировой гармонии.

Так простая мозаика жизненных событий с помощью иерархии смыслов оказывается встроенной в глобальный миропорядок.

Локализация сознания

Рассуждения, изложенные выше, следует отнести к сфере психологии. Когда мы говорим о самопознании, о последовательной фокусировке внимания на все более крупных планах личного бытия – это взгляд на проблему изнутри субъекта. Можно, однако, попытаться взглянуть на проблему несколько шире, с философской точки зрения. Для этого нам следует рассмотреть феномен *сознания* как бы извне, изучая его как объект. Разумеется, такой объект по своей сложности соразмерен целому миру, и можно рассматривать лишь отдельные его аспекты. Мы рассмотрим некоторые закономерности развития сознания, которые можно было бы соотнести с процессом обретения смысла. Наиболее удачную модель с этой точки зрения развил американский философ Кен Уилбер. Его философский взгляд на развитие может быть покажется многим читателям слишком абстрактным и отстраненным, но мы увидим, что благодаря ему можно прояснить некоторые весьма животрепещущие вопросы.

По мнению Уилбера, первичный механизм развития сознания заключается в том, что Высшая Самость (или сознание как таковое) отождествляется с конкретным и ограниченным уровнем своего собственного проявления. Другими словами Безграничная Самость, проецируя себя через доступную в данный момент структуру ума (уровень сознания), становится внедренной в эту структуру или ограниченной ее пределами и, потому, приобретает статус «ограниченного Я» или просто самости. Такой процесс ограничения Самости можно охарактеризовать термином «размещение или локализация сознания».

Локализованное сознание склонно к экспансии, к расширению своей территории. В этом и заключается процесс его развития. Сразу заметим, что представлять себе процесс экспансии наподобие расширения территории государства за счет присоединения новых земель было бы неверным. В ходе этой экспансии территория не просто расширяется, а открываются новые пространственные измерения с качественно иными свойствами.

Так при рождении человека возникает первая территория для локализации сознания – это тело, отделившееся от слияния с материнским миром. Сознание, отождествляясь с телом, становится телесной самостью. Оно осваивает инструменты тела и его границы, учится оперировать окружением при помощи своих инструментов. В процессе взаимодействия с окружением сознание осваивает инструменты взаимодействия. Самым существенным из них оказывается язык. Как только сознание осваивает язык, начинается переход от чисто биологической, телесной самости к синтаксическому или ментальному эго. Самость, отождествляется с языком и становится не привязанной исключительно к телу. Теперь она отождествляет себя с ментальным эго.

Самость разворачивает и осваивает многочисленные инструменты ментального эго и создает в его рамках относительно устойчивые структуры: мировоззрение, потребности, этические принципы. При этом собственно самость, то есть место, где пребывает действие, сосредотачивает в своих руках важнейшие способности и операции: ощущение самоидентичности, волю, самозащиту и ориентирование (выбор направлений развития).

Взаимодействуя с миром, самость познает себя и мир, и в этом экзистенциальном процессе познания может обнаружить существование тонкой каузальной сферы бытия. Изучая и познавая ее, самость осваивает Архетип божества. Когда инструменты и структуры этого Архетипа оказываются в определенной степени освоенными, самость отождествляется с этим Архетипом и действует, исходя из этого отождествления. Теперь она не привязана исключительно к ментальному эго. Фокус деятельности в значительной степени переносится в тонкую сферу.

К. Уилбер отмечает, что описанное восходящее движение самости не является простой последовательной сменой мест локализации сознания. Переход к структурам более высокого порядка не сопровождается отбрасыванием всех предшествующих структур. Просто самость освобождается от *исключительного* отождествления с более низкими структурами. Она им более не принадлежит, однако может ими оперировать, используя инструменты новой возникающей структуры.

Так, когда телесное эго дифференцировалось от материального окружения, у него появилась возможность оперировать окружением при помощи инструментов своего тела. Ментальное эго, отделившись от тела, могло оперировать телом и миром при помощи своих инструментов (понятий). Тонкая самость, дифференцируясь от эго-ума, получает возможность оперировать умом, телом и миром используя свои тонкие структуры. Это типичный эволюционный процесс, в результате которого все предыдущие уровни могут быть интегрированы в сознании и, в конечном счете, в Высшем Сознании. На каждом этапе эволюции то, что было целым на одном уровне, становится лишь частью целого более высокого порядка на следующем.

Существенно, что по мере отождествления с каждым новым уровнем сознания самость основательно внедряется в его структуры и сливается с ними так, что их невозможно воспринимать или переживать в качестве объекта. Реально действующие субъективные структуры самости бессознательны: они представляют собой часть видящего, и поэтому он сам не может их увидеть пока самость не «умрет» для этого уровня, не дифференцируется от него, не превратит его из непосредственного в отдаленный, не превратит прежнюю *привязанность* в *отстраненность*.

Когда это произойдет, внедренное бессознательное высвободится, и из прежнего субъекта возникнет новый объект, воспринимаемый (уже со стороны) новым субъективным полюсом. То есть самость с новой высоты предоставит статус объектов своим прежним структурам обитания. Превращение субъекта в объект означает, что самость может "обладать" им, а не "принадлежать" ему.

Итак, то, что было сутью субъекта, становится для него на новом уровне бытия как бы внешним объектом, доступным наблюдению. В этом заключается существо процесса самопознания или постижения смысла. Эти процессы оказываются тесно сопряженными с восходящим эволюционным движением. Действительно, чтобы что-то понять и увидеть в себе, надо расширить, приподнять себя, перейти на иной уровень. И здесь стремление к самопознанию и постижению смысла может послужить побудителем, катализатором очередного шага эволюционного движения. С другой стороны, сам смысл становится отчетливо различимым только по мере подъема на новый эволюционный уровень, с которого осуществим отстраненный взгляд. Используя терминологию предыдущего раздела можно сказать, что такое отстранение (перенос точки наблюдения) обеспечивает возможность "перефокусировки взгляда с ближнего плана на более крупный план", где отчетливо проступают недоступные ранее образы. Но это еще не самое главное. Превращение субъекта в "наблюдаемый" объект имеет для нас решающее значение и по иной причине.

Как указывалось выше, самость, дистанцируясь от прежнего уровня, превращает прежнюю привязанность в отстраненность. Отсутствие привязанности позволяет осуществить теперь действительно свободный этический выбор. Ранее (в условиях привязанности) свобода выбора была формальной, ведь когда самость "принадлежит" объекту, она не в состоянии его свободно принять или отвергнуть. Такая возможность появляется только в отношении объектов, которыми самость может "обладать". В эту категорию теперь включаются прежние субъективные структуры предыдущего уровня бытия.

Наконец-то, путешествуя по лабиринтам абстрактных построений Кена Уилбера, мы добрались до важного с практической точки зрения (и совсем не очевидного для многих) положения. Речь идет о том, как избавиться от зависимостей, нежелательных привязанностей, дурных привычек, пристрастий и прочих деструктивных моделей поведения. На этот счет предлагается множество рецептов. Например, считается, что, прилагая усилия воли в течение длительного времени и, сопротивляясь соблазнам, можно, в конце концов, от них избавиться. Другой рецепт предлагает переключить внимание от дурных пристрастий на какой-либо безобидный предмет, например, чтобы меньше пить, предлагается заняться спортом или найти интересную работу. Есть и самый быстрый рецепт, не требующий усилий - это кодирование: заплатил деньги и получи желанную свободу!

После всего, изложенного выше, должно быть достаточно очевидно, что пока наше сознание (самость) находится внутри этих деструктивных моделей поведения, пока оно принадлежит им, пока локализовано в них, попытка устранить эти модели обречена, ибо напоминает желание вынуть из-под себя стул, не вынося точку опоры за его пределы. Во всех перечисленных рецептах игнорируется необходимость в этой сторонней точке опоры, и именно по этой причине они не срабатывают.

Успех может быть достигнут только посредством *отстранения* (выноса точки наблюдения). Для этого должно быть сформировано соответствующее пространство, куда могло бы перейти сознание (самость), чтобы с нового ракурса отстраненно взглянуть на свое прежнее место обитания. На формирование этого нового пространства и должны

быть направлены усилия страждущих избавиться от зависимостей и пристрастий. Речь идет не о простом расширении интересов (спорт, работа, общение, хобби), а о формировании новой системы ценностей, которая в большей степени соответствовала бы законам роста и развития, законам Мировой Гармонии.

Сам процесс освоения нового пространства – это процесс познания, требующий творческих усилий. Он не может быть сведен к набору известных рецептов и предписаний. Поэтому вхождение человека в определенный ритуальный формат само по себе не создает нового пространства и новой точки отсчета в системе ценностей. Новое пространство открывается через инсайт, озарения, через каналы интуиции. Но мало открыть для себя новое знание. Оно должно найти свое подтверждение в личном опыте. Без опытного подтверждения получаемые сведения не обретают статус *экзистенциального знания*, которое могло бы явиться новым местом локализации сознания.

Модель развития сознания как цепи последовательных превращений субъекта в объект позволяет уточнить само понятие свободы этического выбора.

Принято считать, что все мы свободны в выборе тех или иных этических установок и главных жизненных принципов, и, если мы реализуем какие-либо деструктивные установки, то значит, по большому счету, мы так захотели. С чисто юридической точки зрения это действительно так.

Однако наш выбор не может быть реально свободным в отношении предметов, внутри которых фактически обитает наше сознание. Сознание склонно выстраивать свои взаимоотношения с этими предметами на основе автоматизма, то есть в рамках психологического инстинкта. Свобода действий здесь, по сути, отсутствует, и мы склонны наступать на одни и те же грабли. После очередной неудачи мы разводим руками и философски восклицаем: "Да! Слаб человек!" Но ситуация вовсе не является тупиковой.

Будучи связанными в выборе *инструментов* нашего взаимодействия с миром, мы можем быть свободными в выборе *намерений*. Такое состояние уместнее всего назвать *потенциальной* свободой. Это, по сути, свобода узреть, что есть пространство бытия, более обширное, чем пространство нашего обитания. Мы можем пожелать выйти за границы освоенного пространства, а можем, безнадежно махнув рукой, сказать: "Нельзя объять необъятное!"

Потенциальная свобода – это *дар*, это неотъемлемое свойство нашего духа. Если мы совершаем позитивный выбор и целенаправленно осваиваем новое пространство, если в результате перехода нашего сознания на новый уровень, удастся превратить прежние привязанности в отстранение, то мы обретаем *актуальную* свободу. Актуальная свобода не дается нам свыше – это результат наших *осознанных усилий*, результат движения сознания к более высокому уровню цельности и полноты Бытия. По мере этого движения становится ясно, что *вовсе не нужно стремиться объять необъятное – ведь им можно просто стать!*

Эта метафора наводит на мысль, что восходящее эволюционное движение сознания способствует увеличению связности и цельности некой существенно более глобальной системы. Уровни, освоенные сознанием, оказываются включенными в расширенный контекст. В терминах современной квантовой теории этот процесс можно представить как увеличение меры квантовой запутанности системы. Таким образом, творческая энергия сознания направлена на преодоление расчлененности системы, и в своем пределе на преобразование сепарабельного состояния системы в чисто запутанное состояние, отображаемое в наших более привычных понятиях как Абсолют, Бог, Глобальное Информационное Поле.